

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

JERZY RUSEK, WIESLAW BORYS (red.), *Prasłowiańszczyzna i jej rozpad*. Warszawa: ENERGIA, 1998. 386 s. ISBN 83-85118-X.

Этот объемный, почти 400-страничный том содержит тексты сорока одного доклада, зачитанных на международной конференции под таким же названием 5–7 декабря 1996 г. в Краковском Ягеллонском университете. Конференция была организована Институтом славянской филологии совместно с Кафедрой общего и индоевропейского языкознания и Институтом восточнославянской филологии этого же Университета, а также с Комитетом славистов ПАН и Среднеевропейской Комиссией ПАУ. Доклады публикуются на польском, (пять докладов) на немецком, (два) на английском, (два) на сербском, (по три) на словацком и русском, а также на белорусском, итальянском и словенском языках.

Редакторы особо подчеркивают, что “непосредственным поводом для этой международной встречи было несколько юбилеев выдающихся польских, и прежде всего, краковских славистов: 50-летие выхода в свет труда Тадеуша Лера-Сплавиньского *О происхождении и прародине славян*, 30-летняя годовщина смерти Тадеуша Милевского, 50-летняя годовщина смерти Мечислава Малэцкого, 80-летие Францишка Славского” [с. 8]. Если учесть относительно недавние юбилейные издания, посвященные Е. Куриловичу [LgV 4] и Я. Сафаревичу [Analecta 1995], то можно считать, что польские слависты в конце XX в. сумели устроить впечатляющий смотр достижений своей науки и утвердить Краков в качестве ее основного национального центра и столицы.

С перечисленными выше юбилейными датами почти совпал юбилей известного польского и американского слависта Г. Бирнбаума (Henryk Birnbaum, Los Angeles), о чем он сам и напомнил, посвятив обширный доклад под названием *Jak długo trwał okres prasłowiański?* [с. 21–27] обзору своих работ и обобщению результатов своих исследований в этой области. В контексте конференции это прозвучало очень уместно. При этом сам Г. Бирнбаум склоняется к мнению о том, что его предположение, высказанное еще в 1990 г. о том, что “праславянский период длился около двух тысячелетий, а именно, с 1000 г. до н.э. до 1000 г. н.э.” [с. 23] в принципе можно считать верным.

Семь докладов на конференции были посвящены анализу творчества выдающихся польских славистов в целом или особенностям освещения ими тех или иных проблем. Формально к ним примыкает и доклад *Ф. Славского*

(Franciszek Sławski, Kraków) *O pochodzeniu i praojczyźnie słowian Tadeusza Lehra-Splawińskiego po pięćdziesięciu latach* [с. 17–20]. Однако по основному содержанию он представляет собой своего рода *credo* самого патриарха современной славистики. Не называя того ареала, который он считает прародиной славян, конкретно, Ф. Славски указывает на то особое значение, которое в польской славистической традиции придается при его определении праславянско-германским и особенно праславянско-иранским языковым контактам. Говоря о последних, он на протяжении небольшого отрывка дважды употребляет слово “интенсивные” (*silne*) для их характеристики [с. 19]. Сам набор праславянских иранизмов, по его мнению, “может свидетельствовать о религиозном, общественном и политическом доминировании иранских племен” в ходе этих контактов и “не исключено даже, что распад балто-славянской общности мог быть результатом именно иранского нашествия” [с. 20].

Tadeusz Шиманьский (Tadeusz Szumański, Kraków), анализируя основные публикации Ф. Славского, в ряде отношений конкретизировал взгляды автора *Этимологического словаря польского языка* и редактора *Праславянского словаря* на проблему прародины славян (*Język prasłowiański w ujęciu Franciszka Sławskiego* [с. 337–341]). Из его анализа видно, что Ф. Славски вряд ли случайно уклоняется от определения географического ареала, в котором могли сформироваться праславяне, поскольку, по всей видимости, он и в настоящее время придерживается мнения, высказанного еще в 1979 г., согласно которому “при современном состоянии науки точная локализация прародины славян представляется невозможной” [с. 340]. В этом отношении Ф. Славски может считаться почти модернистом, поскольку, согласно, например, мнению, высказанному как о чем-то само собой разумеющимся Х. Поповской-Таборской (о ее докладе см. далее), понятие прародины славян является в настоящее время *анахронизмом* [с. 125].

Вклад юбиляра в изучение праславянского языка охарактеризовал *Ежи Русек* (Jerzy Rusek, Kraków), показав, что *Aspekt słowotwórczy w dyskusjach nad zróżnicowaniem języka prasłowiańskiego (w ujęciu Franciszka Sławskiego i jego uczniów)* [с. 343–347] является одним из основных в его исследованиях.

Остальные юбилейные доклады были представлены *Терезой Зофией Орлош* (Tereza Zofia Orłoś, Kraków, *Studia Tadeusza Lehra-Splawińskiego nad słownictwem prasłowiańskim* [с. 319–324]), *Лешком Беднарчуком* (Leszek Bednarczuk, Kraków, *Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle badań Tadeusza Milewskiego* [с. 329–336]), *Богданом и Мариолой Вальчаками* (Bogdan Walczak, Mariola Walczak, Poznań, *Leszek Ossowski o praojczyźnie Słowian* [с. 349–358]), *Янушем Сятковским* (Janusz Siatkowski, Warszawa, *Badania Zdzisława Stiebara nad prasłowiańszczyzną* [с. 325–328]); в каждом из них содержится общая характеристика вклада в развитие славянского языкознания и библиография основных работ тех выдающихся польских славистов, творчеству которых они были посвящены.

Из статей, посвященных конкретным проблемам исследования праславянского языка, одной из самых актуальных кажется работа *Георга Хольцера*

(Georg Holzer, Wien) *Zur Rekonstruktion urslavischer Lautung* [с. 57–72], в которой на материале славянских заимствований в соседние языки и заимствований из этих языков в славянский еще раз наглядно показано, что даже в позднем праславянском не было *o, традиционно реконструируемого для праславянского вообще; сохранялось *ī, а также *u и *i; метатеза плавных не произошла и т.д. Доклад является дискуссионным уже в силу своей тематики, поскольку проблема реконструкции звучания отдельных фонем в истории языка не считается классической и ставится относительно редко. В принципе, это работа обзорная, и в ней, мне кажется, без оснований не затрагивается проблема возможного отражения праслав. *ī как дифтонга *ui и не использованы фундаментальные работы К. Буги (K. Būga), В. Георгиева, Я.М. Ежовой (M. Jeżowa), Я. Калимы (J. Kalima), Д. Дечи (G. Décsy), посвященные анализу тех же проблем, которые рассматриваются в докладе.

Знакомясь с этим докладом, невольно удивляешься консерватизму научной традиции, в силу которой несомненные свидетельства позднего характера многих праславянских изменений (или их заключительной стадии) просто игнорируются абсолютным большинством славистов. Так, видимо, будет всегда, пока *мнения* будут отождествляться с *доказательствами*, а *мнения* авторитетов будут ставиться выше *доказательств*.

В фундаментальной работе известного гидронимиста *Юргена Удольфа* (Jürgen Udolph, Heidelberg, *Typen urslavischer Gewässernamen* [с. 275–294], с приложением 11 карт) показано, что распространение гидронимических суффиксов (-ava, карта 1; -ica, карта 3) и надежно засвидетельствованных корней (типа *jъzvogъ, карта 4) в гидронимах дает надежный материал для обобщений о возможной прародине славян. Особенно важным в этой статье является эксплицитное изложение его методологии выявления собственно праславянских водных названий [с. 277, 279]. Основные результаты исследования Ю. Удольфа сформулированы в виде трех тезисов, важнейшим из которых является третий: “С учетом рассмотренных (в данной статье — В.Ч.) древних форм славянских гидронимов, относительно предполагаемой прародины славян по данным гидронимии в целом можно предполагать, что область приблизительно между верхним течением Одера, припятскими болотами, между Карпатами и Днпром, где известны все типы водных названий, и является, видимо, территорией древнего расселения славян” [с. 293]. Что же касается корневых этимологий, на которых основана практически вся теория древнеевропейской гидронимии и которые используются Ю. Удольфом при установлении возможного ареала древнейших германо-балто-славянских контактов на начальной ступени развития этих языков, то это такая своеобразная область исследований, в которой элемент веры, как кажется, является значительно более весомым, чем аналитический, предполагающий возможность верификации полученных результатов.

Поскольку одной из основных проблем конференции было распадение праславянского языка, то неудивительно, что целый ряд докладов был посвящен проблемам его диалектного членения. *Веслав Борысь* (Wiesław Boryś,

Kraków) полагает, что “несомненно самым ранним наблюдаемым диалектным различием в праславянском является трактовка групп согласных *tl, dl*” (*Prasłowiański — poprasłowiański. Na granicy dwóch epok* [с. 29]). Однако основное содержание доклада составляет не характеристика более поздних фонетических изоглосс праславянского, а попытка общего взгляда на развитие праславянской морфологии. Наиболее важными кажутся его положения о том, что “уже в раннепраславянскую эпоху все имена принадлежали к тематическому классу” [с. 30], “в праславянскую эпоху должно было начаться постепенное ограничение продуктивности основ на согласную за счет экспансии основ на гласные *-o-, -ā-, -i-*” [с. 32], и “на следующих этапах развития праславянской флексии на отдельных территориях в после-праславянскую эпоху мы наблюдаем, в общем и целом, те же самые тенденции, которые зародились в праславянскую эпоху” [с. 33].

Положения, созвучные идее В. Борыся о том, что в истории праславянского языка довольно четко различаются прежде всего два периода — собственно праславянский период и после-праславянский, были высказаны также в докладе Хайнца Шустера-Шевца (Heinz Schuster-Šewc, Pořčicy, *Działanie prawa sylab otwartych w późnym okresie prasłowiańskiego i jego rola w ukształtowaniu się słowiańskich makrodialektów* [с. 97–106]). Автор доклада оперирует общеизвестными фактами, и его выводы о том, что: а) в собственно праславянскую эпоху процессы, связанные с реализацией закона открытых слогов протекали последовательно; б) в V–IV вв. действие этого закона начинает ослабевать, и в) “после VI в. метатеза плавных согласных и изменений в праславянских сочетаниях **TьlT, *TьrT, *TьlT, *TьrT*”, также связанных с законом открытых слогов, образовались новые праславянские макродialeкты [с. 105], кажутся вполне обоснованными.

Более поздние процессы диалектной дифференциации на северо-западной территории распространения славян — после IV в. — анализируются в докладе известного специалиста по кашубскому языку Ханны Поповской-Таборской (Hanna Popowska-Taborska, Warszawa, *Wczesne dzieje północno-zachodnich krańców słowiańszczyzny w świetle faktów językowych* [с. 125–130]). Значительное место в ее работе посвящено обсуждению проблемы так наз. лехитской (западнославянской) общности. В принципе, исследовательница соглашается с тем, что представление о такой общности как о целом языковом ареале является далеко неадекватным. Основная часть доклада посвящена обоснованию идеи о том, что, несмотря на диалектную неоднородность “лехитской общности”, между диалектами, составившими основу поморских и серболужицких языков, еще в X–XII вв. существовали довольно тесные связи и географическая смежность, и об этом свидетельствуют рассмотренные в докладе общие фонетические и лексические инновации названных языков.

Стефан Вархол (Srefan Warchoł, Lublin) полагает, что цель его доклада *Prasłowiańszczyzna i jej rozpad w aspekcie chronologizacji procesu palatalizacji spółgłosek* [с. 87–96] является “чрезвычайно скромной” [с. 87]. Но эта самохарактеристика может быть отнесена только к обзорной части, в которой он

обсуждает периодизацию истории праславянского языка в работах Н. Трубецкого и Е. Куриловича. Что же касается попыток дать не относительную, а абсолютную хронологию целого ряда праславянских изменений, то эту задачу можно отнести к числу не только весьма амбициозных, но и самых трудных, см., например, [Bidwell 1961, 105–127]. И трудности здесь тройкого рода, поскольку исследователь, решившийся заняться этой проблемой, зависит а) от представлений об относительной хронологии рассматриваемых явлений, которые б) в многих случаях тесно связаны с их фонетико-фонологической трактовкой, и в) от археологических моделей истории тех или иных культур и определения их этнической принадлежности. Первые две из названных трудностей, например, при рассмотрении II и III палатализаций, С. Вархол “снимает”, опираясь на трактовку этих явлений З. Штибером, а датировать эти изменения он считает возможным VII–VIII вв., поскольку, по его мнению, их результаты отражают период начальной дифференциации праславянского, связанной с территориальной экспансией праславян во всех направлениях от мест их предшествующего обитания [с. 93]. Выглядит правдоподобно. Что же касается рассуждений автора доклада о механизмах так наз. праслав. *l*-эпентезы и ее значении для характеристики гомогенности праславянского языка, а также датировки *l*-эпентезы временем до VII в. (т.е. до конца эпохи готско-славянских контактов), то они явно нуждаются в дополнительных обоснованиях.

Доклад *Рудольфа Крайчовича* (Rudolf Krajčovič, Bratislava, *Praslovančina v karpatскеj kotline a jej vývin* [с. 131–136]) интересен как попытка синтеза языковых и исторических сведений при реконструкции истории словацкого языка. Автор полагает, что независимо от того, где локализовать прародину славян — на западе (в междуречье Вислы и Одера), на востоке (между Днестром и Днестром) или же, согласно гипотезе О.Н. Трубачева, на среднем Дунае, в любом случае есть основания принять, что карпатская низменность, и прежде всего — ее северная часть, уже к V в. н.э. была заселена праславянами. Западная и восточная часть этой долины была заселена с (северо-)запада, а центральная ее часть была колонизована славянами с юго-востока. Начиная с VIII–IX вв. на территории Карпатской низменности происходят интеграционные процессы, языковые результаты которых хорошо сохраняются в современных словацких говорах, и историческим следствием которых было возникновение в IX в. княжества с центром в Нитре, а затем Великое княжество Ростислава и Империя Святополка [с. 133].

К блоку докладов о проблемах членения праславянского языка примыкают также два теоретических этюда — *Клауса Штайнке* (Klaus Steinke, Erlangen, *Indogermanisch — Urslavisch — Latein* [с. 35–40]) и *Геннадия Цыхуна* (Геннадзь Цыхун, Минск, *Арэальная структура праславяншчыны* [с. 73–77]). К. Штайнке анализирует логическую структуру теории родословного древа как модели, приходя, естественно, к выводу о ее упрощенном характере, и история образования романских языков является, очевидно, наилучшей тому иллюстрацией. Г. Цыхун обсуждает проблемы реконструкции ареальной структуры праславянского языка, исходя из положения о том, что в языках,

восходящих к его центральному ареалу, должно наблюдаться большее количество общеславянских (праславянских) инноваций, чем в языках, развившихся на основе периферийных радиалектов.

Содержание докладов известных русских этимологов *Л.В. Куркиной* (Москва) *Термины подсечно-огневого земледелия в составе праславянского словаря* [с. 207–221] и *Ж.Ж. Варбот* (Москва) *О гнездовой ориентации при реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда* [с. 223–229] точно соответствует их названиям. В обоих докладах анализируется большое количество фактов славянских языков и диалектов. Л.В. Куркина, фактически, реконструирует существеннейший фрагмент земледельческой культуры праславян. Ж.Ж. Варбот подчеркивает, что “формальная и семантическая устойчивость этимологических гнезд может быть основанием для ориентации при реконструкции словообразовательных и семантических связей и семантики праславянских лексем на более поздние потенциально родственные образования (включая сюда и образования отдельных славянских языков” [с. 225] и иллюстрирует основные положения своего доклада на примере рефлексов праслав. *trъvati и *koporul’a.

Ясна Влаић-Поповић (Ясна Влаић-Поповић, Београд, *Семантика као критеријум у формирању етимолошког гнезда* [с. 255–268]) как бы продолжила и развила положения доклада Ж.Ж. Варбот на материале истории рефлексов праслав. *kositi III ‘сечь, ударять’ и т.д., а *Владислав Сендзик* (Władysław Śędzik, Kraków) продемонстрировал возможности реконструкции семантического поля со значением ‘вне, вовне’ (*Słowiańskie ‘zewnątrz, na zewnątrz, foras, foris, extra’* [с. 269–273]). По содержанию обе эти работы представляют собой развернутые статьи этимологического словаря.

Мария Войтыла-Свежовска (Maria Wojtyła-Świerzowska, Kraków, *Elementy kentumowe w słownictwie prasłowiańskim* [с. 47–55]) приводит некоторые соображения в пользу того, что кентумные рефлексy в праслав. *kptъ, *kptja, *kēltъ и *gordъ свидетельствуют, видимо, о заимствованном характере этих лексем из какого-то кентумного языка. Свой доклад она посвятила памяти известного слависта З. Голомба, вкратце реферирuя основные положения его последней книги (1992 г.). При обсуждении указанных этимологий М. Войтыла-Свежовска, к сожалению, не использует сведений *Этимологического словаря славянских языков* [вып. 7, 1980; 10, 1983; 12, 1985], в котором содержатся самые полные на сегодняшний день сводки данных о соответствующих словах и истории их изучения. Что же касается ее теоретических установок, то является очевидным, что любые предположения о заимствованном характере лексем *gordъ и *kptъ при наличии лит. gārđas ‘загородка’ и kaĩpas ‘угол’ всегда будут казаться маловероятными, тем более, если принять, что слав. *gordъ и *zъrdъ ‘жердь’ связаны апофонически. Не исключено, что именно значение ‘город’ у праслав. *gordъ (точнее, *gārđъ), что особенно акцентируется в докладе, действительно, может быть довольно поздним и развиваться под иноязычным влиянием. Такое мнение можно высказать, но как его аргументировать?

По содержанию доклад *Марио Энриэтти* (Mario Enrietti, Turino, *Osservazioni sull'origine e la scomparsa degli "jer"* [с. 117–124] гораздо уже его названия, поскольку в нем предпринята попытка реконструкции одной из возможных систем позднего праславянского вокализма (с привлечением типологических данных по истории позднелатинского вокализма). Непонятно, однако, как в рамках реконструируемой им *единой* (поздне)праславянской системе можно объяснять падение еров, когда известно, что оно осуществлялось уже в языках с *различными* системами гласных. Достоинством своей реконструкции М. Энриэтти считает ее *простоту*, упрекая, например, в излишней сложности мои построения в статье, опубликованной в 1974 г. (в которой я попытался понять историю еров на основании типологического сопоставления их истории с аналогичными явлениями новоиранских языков). На это могу только заметить, что прогресс в теории еров вряд ли будет достигнут путем построения *упрощенных* фонологических схем.

Внимание русскоязычного читателя непременно привлечет внимание доклад *Збигнева Бабика* (Zbigniew Babik, Kraków) *Предполагаемые рефлексы позднепраславянских фонетических изменений в субстратной топонимии лесной зоны восточной Европы* [с. 177–192] прежде всего неповторимым русским языком. Кроме того, удивление вызывает и общий тон его дискуссии, когда он, например, квалифицирует известную монографию В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева о гидронимии Верхнего Поднепровья как книгу “явно вредную и в научном отношении скорее всего не имеющую ценности” [с. 183]; другие его выпады вряд ли стоит цитировать.

Если же отвлечься от формы изложения, то пафос его доклада, состоящий в критике не критического подхода при этимологизации гидронимических названий, является вполне обоснованным и своевременным. Действительно, большим “этимологическим пыткам”, чем гидронимы, подвергаются разве что этнонимические названия. Можно ли спорить с тем, что при этимологизации гидронимов обычно не только не обсуждается, но и в принципе не поднимается проблема их возможных (карто)графических вариантов [с. 182]? Разве можно оспаривать положение о том, что при установлении абсолютной хронологии тех или иных фонетических изменений данные субстратной гидронимии нужно использовать с величайшей осторожностью, поскольку здесь возможна и субституция, и сохранение элементов субстратной речи — если относительно долго сохранялись островки ее носителей [с. 186]?

Вместе с тем, автор не замечает, что все его упреки другим авторам могут быть адресованы и ему самому. Так, З. Бабик считает, что фикцией является гидроним *Лопанка*, который, якобы (по мнению В.В. Топорова и О.Н. Трубачева, или “ТТ”, как обозначает соответствующую работу и ее авторов сам З. Бабик) образован от балтийского апеллятива *lāpē* ‘лиса’. Хорошо, но тогда нужно доказать, что и другие два названия этой реки — *Лисичка* и *Ротиа* — также являются фикциями. Далее, производя *Лопанка* от названия деревни *Лопандин*, З. Бабик ссылается на белорусский антропоним *Лопанда*, как возможный источник этого ойконима. Но, во-первых, суффикс *-anda* (варианты *-andas*, *-andè*, *-andis*) используется в балтийской гидронимии, см. [Vanagas

1970, 91]. Во-вторых, у Н. Бирылы нигде нет ссылок на географию тех или иных имен, а по оформлению антропоним *Лананда* очень напоминает балтизм с суффиксом *-da*, использующимся для образования *nomina agentis*, см. [Otrębski 1965, 269–271]. Следовательно, антропоним *Лананда* мог быть зафиксирован Н. Бирылой скорее всего в северной части Беларуси, а ведь д. *Лопандин* находится далеко на юго-восток — и не на ее территории. Как это объяснить?

Как видно даже по приведенному примеру, при этимологизации гидронимов действительно существует множество объективных трудностей, связанных с установлением их реального звучания, возможных преобразований на протяжении даже относительно небольшого отрезка времени, определения их словообразовательной структуры, не говоря уже о поисках исходных форм, или этимологизации. Поэтому кажется очень несправедливым огульно винить гидронимистов в *злоупотреблении* этими трудностями. Но нельзя также поощрять и “баланси́рования на грани маловероятного”, когда при этимологизации выстраивается в цепь малообоснованных предположений, часто гордо называемых “гипотезами”, особенно если они основаны на непроверенных или некритически принимаемых исходных данных. В этом смысле работа З. Бабука, выступающего в роли своего рода “чистильщика” и суперкритика, является полезной и своевременной.

Завершая рецензию, хочу подчеркнуть, что большинство докладов, не упомянутых выше, посвящены частным вопросам, в большинстве своем мало или совсем не связанным с основной проблематикой конференции. Кроме того, мы не стремились к реферированию всех статей, поскольку эта задача просто невыполнима в рамках рецензии заданного размера.

Что же касается издания в целом, то хотелось бы отметить, что после выхода в свет в 1995 г. тома *Linguistica Baltica*, посвященного Е. Куриловичу, и сборника *Analecta Indoeuropaea Cracoviensia Ioannis Safarewicz Memoriae Dicata* под ред. проф. В. Смочиньского Краков стал для многих читателей не только столицей польской славистики, но столицей образцовых научных филологических изданий. В рецензируемой же книге очень не хватает индексов и указателей — в первую очередь персоналий, которые, будь они приложены, намного бы облегчили работу с ее материалами, особенно с литературой, использованной авторами. Хотелось бы надеяться, что при подготовке будущих краковских славистических изданий инициатива В. Смочиньского будет поддержана и его опыт учтен.

Рецензируемое издание посвящено XII Международному съезду славистов, и теперь, уже после того, как он состоялся, можно с полной уверенностью сказать, что книга *Праславянский язык и его распад* заняла заметное место в предсъездовской литературе и по высокому научному уровню статей, в ней опубликованным, и по актуальности рассмотренной проблематики, поскольку большинство проблем, которые обсуждались участниками конференции 1996 г., так или иначе затрагивались на краковском Съезде в 1999 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Analecta 1995 = *Analecta Indoeuropaea Cracoviensia Ioannis Safarewicz Memoriae Dicata*. Edenda curavit Wojciech Smoczyński. Cracoviae: Universitas, MCMXCV.
- Bidwell C.E., 1961: The chronology of certain sound changes in Common Slavic as evidenced by loans from vulgar Latin, *Word*, 17. 105–127.
- LgB 4 = Smoczyński W. (ed.), *Linguistica Baltica*, 4. Kraków, 1995.
- Otrębski J., 1965: *Gramatyka języka litewskiego*, t. II: *Nauka o budowie wyrazów*. Warszawa.
- Vanagas A., 1970: *Lietuvos TSR hidronimų daryba*. Vilnius.

Валерий Чекомнас

Вильнюс

E-mail: cekm@post.omnitel.net

CHRISTIAN HANNICK (Hg.), *Kanzleiwesen und Kanzleisprachen im östlichen Europa*. Köln–Weimar–Wien: Böhlau, 1999. 232 S. ISBN 3-412-13897-5. (Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. Beiheft 6.)

Языки канцелярий отнюдь не относятся к числу излюбленных предметов, изучаемых лингвистами, хотя в них часто содержится важный материал по истории языка. Поэтому большой заслугой Кр. Ханника является то, что он, будучи еще профессором славистики Трирского университета, организовал международный симпозиум на эту тему (7–10 октября 1991 г.). Большинство докладов, прочитанных на симпозиуме, в обработанном виде изданы издательством Бёлау в сборнике под названием *Канцелярии и канцелярские языки в восточной Европе* (на немецком или французском языках).

Девять статей, входящих в сборник, посвящены русскоязычному и южно-восточноевропейскому православным ареалам, в которых канцелярии создавались, в основном, по византийскому образцу. Организатором симпозиума были сознательно исключены из рассмотрения канцелярии, находившиеся под западноевропейским влиянием, как, например, в Венгрии или Польше. Кроме описания исторического контекста и значения канцелярий в церковной и государственной сферах Византии, Сербии, России, Молдавии, Османской империи и Южной Хорватии, другим центральным вопросом статей является язык, на котором были написаны документы, составленные в них. При этом рассматривалась не только зависимость формы документов от иностранных, в основном, византийских, образцов, но и значение той или иной разновидности канцелярского языка для дальнейшего развития национальных литературных языков.

Реферат Хервига Вольфрама *Политическая теория и нарративные элементы в документах* (Herwig Wolfram, *Politische Theorie und narrative Elemente in Urkunden*, с. 1–24), открывающий сборник, вводит читателя в тематику симпозиума. В своей статье венский историк исходит из формальных аспектов в документах и указывает на важность особенностей оформления для их исторической классификации и определения их функций. Он берет за образец документы раннего и зрелого средневековья и демонстрирует на их примере значимость вводных частей (*Intitulatio*, *Arenga*) для интерпретации